

Вера Синева

**Этюды
о Женщине**

Вера Синева

Этюды о Женщине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42310172

ISBN 9785449663450

Аннотация

Мне уже пятьдесят лет. А что такого глобального я сделала за свои годы? Начинаю в голове прокручивать, как в кино, воспоминания моей ничем не примечательной жизни. Может и не всё так обыденно и серо было в ней. Были удачи, сомнения, разочарования и боль утраты. Но, несмотря ни на что, я люблю эту жизнь. Жизнь продолжается...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Этюды о Женщине

Вера Синева

© Вера Синева, 2019

ISBN 978-5-4496-6345-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Мне уже пятьдесят лет. А что такого глобального я сделала за свои годы? Дом не построила, но у меня есть квартира. Ребёнка вырастила – у меня есть красавица дочка, а у неё есть уже своя красавица дочка – моя внучка. Деревя, правда, не посадила, нет у меня своей земли для её посадки, а на чужой не хочу. Всё равно меня постоянно гложет одна мысль: в чём моё предназначение на этой грешной земле. Я не совершила каких-то открытий мирового значения. Я просто обычный человек, и если я умру – кто по мне заплачет, кто вспомнит добрым словом. Конечно – это будут мои близкие родственники, немногочисленные знакомые. Мне жутко от одной мысли, что я уйду в иной мир, оставив только прах после себя и больше ничего. Вся вот в таких грустных мыслях и с тоской в сердце пытаюсь тщетно заснуть, но никак не получается. Начинаю в голове прокручивать, как в кино, воспоминания моей ничем не примечательной жизни. Может и не всё так обыденно и серо было в ней.

Я ещё совсем маленькая крошка и живу в маленьком шахтёрском посёлке. В квартирке печное отопление – мой дед печник, и это его творение. Туалет находится на улице – это деревянное сооружение, разделённое на две половины: мужскую и женскую. Недалеко от нашего дома живёт парень, он немного чудаковат, раньше во времена Ивана Грозного

его бы называли юродивый. Вот этот наш поселковый юродивый умудрился чем-то проковырять дырку в деревянной перегородке между двумя половинами и периодически подглядывать за особями женского пола. Однажды я пошла в туалет и увидела в эту дыру его глаз, очень испугалась, даже забыла зачем пришла. С диким криком выбежала и стала искать бабушку, чтобы всё ей рассказать. Она сказала, чтобы я не боялась, он безобидный малый. На всякий случай она подкараулила его у туалета и сделала ему внушение, чтобы не пугал девочек. Спустя годы, вспоминая его, я поняла, зачем он это делал: просто удовлетворял свои естественные потребности. Он тоже был, как и все человеком, испытывал такие же эмоции и желания.

Мне купили трёхколёсный велосипед. Я беззаботно катаюсь на нём в нашем дворе и даже не догадываюсь, что скоро мой отец больше никогда не появится в моей жизни потому, что они разойдутся с мамой из-за несхожести характеров, разных взглядов на жизнь. А позднее я узнала от бабушки, что он ещё любил выпивать, и, в конечном итоге, менял свою семью, нас с мамой, на любовь к водке. Отец подходит ко мне, берёт на руки, нежно гладит по голове, затем целует туда же. Он уходит из моей жизни навсегда, а я всё так же катаюсь на велосипеде и радуюсь солнечному дню, голубому небу, птичкам, летающим в небе. Больше у меня нет особых воспоминаний этого периода.

Моё семейство приняло решение отправить меня в дет-

ский сад для адаптации с другими детьми, чтобы мне было легче в новом коллективе, когда пойду в школу. Отвели меня туда, я стою у входа и ужасно нервничаю, я ещё никогда не видела сразу одновременно такого количества детей. Все бегают, орут, дерутся, отнимают друг у друга игрушки. Я тогда была очень скромным ребёнком и от всего увиденного просто встала в ступор. Стою и не знаю, куда идти. Наконец подошла воспитатель группы и повела знакомиться с детьми. Мне там не понравилось, всё делать по расписанию, а я так не привыкла. Единственное, что мне почему-то понравилось, так это был рыбий жир, который там регулярно давали. Все дети корчили жуткие гримасы и плевались, когда воспитатель подходила с пузырьком этой масляной субстанции. Одна я открывала с удовольствием рот и поглощала содержимое из ложки, которую подносили ко рту. Мама пришла за мной в детский сад, а моих валенок нет, остались только какие-то маленькие, которые мне не подошли. Ей пришлось нести меня на руках, а была я всегда «девочкой в теле». На следующий день принесли мои валенки. Прошёл месяц и я даже как-то стала привыкать к детскому саду и детям. В один из дней почти вся группа пошла поголовно в туалет пить из-под крана холодную воду, я следом. В результате я заболела бронхитом, который благополучно перерос в воспаление лёгких, так как я была очень болезненным ребёнком. Больше в детский сад я не пошла, решили, что мне будет лучше дома под присмотром бабушки. Я даже

была этому рада, во время болезни я как-то отвыкла от соблюдения какого-либо режима.

Мне 6 лет. Некоторые мои подруги на год старше меня и уже пошли в школу. Мне одной очень грустно и тоскливо – мои подружки на уроках. На дворе стоит осень, накрапывает мелкий дождичек. Я из дома вышла на улицу, стою с мокрым лицом и всматриваюсь вдаль – когда же вернуться мои друзья из школы. В этот момент мне почему-то очень одиноко. Я стою, и мелкие слезинки катятся по моему лицу. Вдруг я замечаю Марину с портфелем в руках, идущую из школы, моей радости нет предела. Я радостно машу ей рукой, она мне тоже. Я проводила её до дома, и мы договорились встретиться через два часа, после того, как она сделает уроки и погулять.

Мы встретились в запланированное время, по дороге зашли за Тоней, которая была Марининой соседкой и нашей общей подругой. За каждым домом в нашем посёлке стояли сараи, в котором жильцы дома хранили дрова, так как в домах было печное отопление. Также там находился всякий другой скарб: вещи, которые уже никто не носил, велосипеды, санки, мопеды, мотоциклы и даже машины, тогда ещё в нашем захолустье не было ни у кого гаражей. Стоял один заброшенный и не закрытый сарай, мы туда ходили играть в куклы, в «дочки-матери», во «врачей и пациентов». В общем, развлекались, как умели! В этот раз мы прихватили с собой игрушечную посуду, чтобы «кормить» наших

кукол. Только мы разложили, принесённые нами игрушки, как Марина заметила в углу сарая что-то лысое, маленькое и с длинным хвостом. Мы поняли, что это было когда-то живым, а теперь нет, только не поняли, что это за зверь. Взяли это неопознанное существо за хвост, положили перед собой и стали детским пластмассовым ножом делать ему вскрытие. Нам очень было интересно из чего же состоит эта наша находка. Но ничего из этого не вышло, нож то был не настоящий. За этим занятием нас застала мама Тони, она искала нашу подругу, чтобы накормить её обедом. Она увидела, что мы все трое склонились над чем-то. Когда она подошла поближе и увидела это лысое бездыханное существо, вся побледнела, и её стошнило. Она повернулась к нам задом, наверное, чтобы не видеть предмет своего ужасного самочувствия и произнесла охрипшим голосом:

– Где вы взяли этого крысёныша? Это такая гадость! Немедленно выбросите его на помойку и бегом идите мыть руки!

Мы так и сделали, как нам было велено, только мы тогда не поняли, кто такой крысёныш и почему он – гадкий. Он показался нам очень милым, только не живым.

Выходной день, я с подругами Людой и её старшей сестрой Светой зашли в книжный магазин. Мы туда заглянули и подошли к стенду с открытками. Сёстры стали выбирать самые красивые открытки и зачем-то запихнули мне их под кофточку, а сами пошли на выход. Я пошла следом, придер-

живая руками кофточку, чтобы открытки не упали. Ко мне подходит продавщица, хватает меня за кофточку, оттуда вываливаются открытки. Она начинает истошно орать, обвиняя меня в воровстве, а я моргаю и ничего понять не могу. Потом начинаю безудержно реветь, она ослабевает свою хватку и произносит:

– На первый раз я тебя прощаю, иди домой, но чтобы больше этого не было.

Я, вся зарёванная, выхожу на улицу, а моих подруг «и след простыл». Прихожу домой и всё рассказываю бабушке, даже не понимая, что такого ужасного я сделала – настолько я была наивной простушкой. Бабушка меня успокаивает, как может, и я понемногу перестаю безудержно рыдать, а минут через 20 вообще обо всём забываю.

На нашей улице, где я жила, стояла столовая. В ней продавалось пиво в розлив, просто необходимая вещь для русского мужика. Там всегда было полно народу, в основном мужское население нашего маленького посёлка. В этой местной достопримечательности было не только пиво, но и всякие, разнообразные закуски к нему. Также там можно было недорого позавтракать, пообедать и поужинать. Я любила туда ходить, чтобы поесть жареных кальмаров. Я еще не ходила в школу, но меня без опаски отпускали туда одну, так как все друг друга знали, и не было почти никогда никакого криминала. Только могли мужики напиться пива, а может ещё чего «из-под полы», и друг друга поколотить. Повод уже

и не нужен. Всё начиналось с фразы «ты меня уважаешь?», если не следовал немедленный ответ, то начинался мордобой. Друг друга поколотят, потом успокоятся, вытрут кровь, у кого где есть, потом обнимутся, на том всё и прекратится. Вот и весь криминал. Я зайду в эту забегаловку, мужчины посмотрят на меня, скажут, что это внучка Кошкина Фёдора и пропустят меня, маленькую, без очереди. Вот такие тогда были люди!

По телевизору стали показывать польский сериал про войну «Четыре танкиста и собака». Хотя я ещё маленькая, но я «влюбилась» в главного героя Янека. У моего дяди был друг, очень похожий на артиста, исполнявшего эту роль. Когда он шёл в гости к дяде, тот увидев его говорил мне: «Идёт Янек», и я стремглав бежала куда-нибудь прятаться. Тогда я даже не понимала, что это совсем другой человек. Один раз не успела сбежать и столкнулась с двойником моей страсти. В руках у меня была кружка с горячим чаем, я споткнулась и содержимое вылилось дядиному другу на причинное место. Он взвыл от боли, а я быстренько «испарилась», как будто меня и не было. Больше я почему-то не испытывала страсть к Янеку, к тому же вскоре и сериал закончился.

Наступает канун Нового Года. Мама с соседом собираются в лес за ёлкой: берут каждый по топору и какую-то верёвку, чтобы обмотать ею ели, которые они срубят в лесу. Их нет примерно час, а может и больше. Заходит мама, а в руках у неё обмотанная верёвкой пушистая ёлка. Моей радо-

сти нет предела, я почему-то прыгаю от какого-то восторга по поводу этой большой красиво пахнувшей ели. Спешно помогаю маме её размотать. Делаю это по-детски неумело, мама раздражается и просит не мешать. Я смиренно стою в стороне и наблюдаю за волшебством, творящемся на моих глазах: ёлка размотана, поставлена в ведро с мокрым песком. Потом мы уже вместе её наряжаем: цепляем шарики на ниточках, всяких красочных зверушек на металлических зажимах, напоминающих прищепки. На макушку ёлки водружаем наконечник в виде звезды (обязательный атрибут советских времён), далее ставим под ёлку деда Мороза и Снегурочку, сделанных из папье Моше и очень красиво разукрашенных. А ещё, как ни странным это покажется, нанизываем конфеты и мандарины на ниточки, и их тоже вешаем на ветки. Просто в советское время хорошие конфеты и мандарины были в страшном дефиците, было огромной удачей их купить. В советское время – это называлось «достать», то есть выстоять огромную очередь в магазине, часов так несколько. И вот оно счастье – этот дефицит висит на моей пушистой красавице! Мама в приказном порядке говорит:

– Виктория! Не вздумай до наступления Нового Года срывать с ёлки конфеты и мандарины. Поняла?

Я послушно киваю головой в знак согласия. От всего этого нервного возбуждения я не могу никак заснуть, долго ворочаюсь в кровати. Слышу вроде все спят: храпит дедушка, аж «стены дрожат», лёгкое посапывание мамы, и наконец за-

вывание бабушки, это от того, что ей всегда во сне снились кошмары из-за ужасных событий, произошедших в её жизни.

События, действительно были ужасные: деда репрессировали в 1937 году, потом началась война, в первые же дни снарядом убило старшую дочь. В их город, в котором они тогда жили, пришли фашисты, они оказались в оккупации. Местные партизаны совершали всякие диверсионные действия против врага, незвано появившегося на земле наших предков и пытавшихся «приручить» их потомков, «пригладить их под свою гребёнку». Какая наивность – это не удалось ни татаро-монгольскому игу, ни польским шляхам. Глупо было надеяться, что люди, давшие присягу Гитлеру чего-то могут добиться, сделать из наших людей послушных марионеток в своих руках. После очередной вылазки партизан, немцы и их приспешники – итальянцы пришли с собаками на местный базар, отловили местных, кого смогли, построили в одну шеренгу. Заявили, что каждый третий будет расстрелян, если не найдётся тот, кто выдаст местонахождение партизан. Привели ли они свои угрозы в действие, бабушка не рассказывала, не хотела она своими воспоминаниями расстраивать меня маленькую. Ограничилась она только тем, что сказала – её минула эта участь. Рассказывала, как на моего маленького дядю, которому тогда было 5 лет, один итальянец натравил огромную овчарку, и он убегая от неё обмочился со страху.

Дождавшись, когда все крепко заснуло, я на цыпочках подошла к ёлке и сняла с неё, вопреки запретам мамы, мандаринку и конфетку и съела. Моей радости не было предела! Вот – настоящий праздник! По прошествии стольких лет, я вспоминаю всё это с какой-то грустной ностальгией – сейчас в магазинах всё есть, что душе угодно, но нет у меня такой эйфории по поводу Нового Года, как тогда! Может тогда казалось всё таким волшебным потому, что я была ещё совсем маленькая и не знала какие обиды на людей, которых считала своими друзьями, разочарования по поводу нереализованных мечтаний и иллюзий и тоска по безвременно ушедшей маме меня ждут впереди в моей взрослой жизни.

Теперь, по прошествии стольких лет, воспоминания нескончаемым потоком всплывают из моего подсознания, и в голове моей бегущей строкой всплывают рифмы и облачаются в какую-то стихотворную форму.

Как краток мирозданья миг.

В моей груди лишь боль и крик.

Зачем всё лучшее уходит навсегда?

Кругом лишь пепел – безысходности беда.

И я уже не девочка, увы.

Размылись перед взором мамины черты.

И запах ёлки новогодней исчезает.

А с ним всё лучшее куда-то улетает.

Так совпало, что Новый Год и день моего рождения приходятся на один день. Я пригласила в гости моих маленьких

подружек к себе на день рождения. Они принесли какие-то подарки, сказали по-детски, как умели, слова-поздравления, пожелания чего-то хорошего и светлого. У бабушки стояла большая бутылка с черносмородиновой наливкой, которую она сама настаивала из смородины, росшей у нас на огороде. Бабушка нам сопливым наливает её по чуть-чуть, грамм по 30, но нам и этого хватило для безудержного веселья. Играем в разные игры, танцуем, смеёмся от души, не понимая почему нам так весело и беззаботно в этот миг, который я, наверное, даже буду вспоминать в конце своего жизненного пути на «смертном одре»! В конце этого фееричного праздника, мы с мамой идём провожать по домам моих подруг. По дороге встречаем весёлые компании, веселящихся от души людей, ожидающих, как и я, чего-то светлого и радостного, что может прийти на смену чему-то серому и грустному. Навстречу идёт толпа местных хулиганов, отпускают скабрёзные шутки, но увидев нас – детей, они замолкают, видно и у них есть какой-то «кодекс чести» – нельзя обижать маленьких и беззащитных. Рядом с ними идёт беспородный пёс и у него изо рта торчит беломорина (папироса советских времён), так они развлекаются. Мне почему-то становится смешно. А теперь, по прошествии стольких лет, я думаю – зачем это, и мне уже совсем не смешно.

Лена – моя подруга живёт дальше всех. Когда мы подошли к её дому, навстречу вышла к нам её мама. Она как-то странно себя ведёт: её качает, язык заплетается, говорит

какие-то совсем неуместные слова. Моя мама делает ей замечание – не хорошо так себя вести в присутствии детей. Я хоть и маленькая, но поняла, что она сильно пьяная по случаю праздника, хотя я и в будние дни часто видела её в таком состоянии. Лене очень неловко перед нами, она заплакала, взяла маму за руку и увела её домой, даже не попрощавшись. Мне тоже стало как-то не по себе, и даже испортилось настроение, но это длилось до того момента, как только я переступила порог своего дома. Я увидела свою красавицу-ёлку, светящиеся гирлянды на ней, и сразу пришло какое-то спокойствие и умиротворение. Были и потом дни рождения и праздники, но почему-то именно тот день я запомнила навсегда.

В новогодние каникулы мы с подругами одели лыжи и пошли в лес к заснеженной горке, которых было очень много в нашем шахтёрском посёлке – последствия горной выработки. Погода морозная, но солнечная, под лыжами скрепит и искрится снег. Прямо, как у Пушкина «мороз и солнце – день чудесный!». Стоят заиндевевшие деревья, напоминающие огромные кораллы. Правда тогда я ещё не видела коралловые рифы, но теперь мне почему-то приходит именно это сравнение. Подъезжаем к горке, она мне не кажется уже такой маленькой, как издали. Подруги стали взбираться вверх, а я струсилась и осталась внизу. Я всегда очень боялась высоты, да и сейчас тоже. Они весело и озорно катятся вниз с горы, а я внизу с завистью смотрю на них и не могу

понять – отчего я такая трусливая. Я всё-таки пересилила свой страх и доползла до середины, а затем кое-как на лыжах сползла вниз, почувствовав при этом себя практически героиней. Накатавшись от души, возвращаемся домой. Дома меня ждёт вкусный обед, приготовленный бабушкой на печке. Ох, до чего же вкусна еда из русской печки, а какие аппетитные пирожки получались. Пальчики оближешь – по другому и не скажешь.

Пришла пасха – религиозный праздник. Покрасили яйца, бабушка испекла пирожки: с мясом, рисом, луком и яйцом. Мои любимые – с луком и яйцом. Всё своё домашнее: у нас в хозяйстве поросёнок, куры, козы, на огороде: помидоры, огурцы, зелень, клубника, смородина, вишня. Мы с бабушкой берём по яйцу и стучаемся ими, если разбивается моё – бабушка его съедает, и наоборот. Казалось бы какой пустяк, но вспоминая это всё, я испытываю сейчас безмерное счастье, а тогда это воспринималось мною как что-то повседневное и обыденное. Такие ощущения, когда ты взрослый, приходят разве что, когда ты безумно влюбляешься в кого-то!

Купили мне двухколёсный велосипед. В комплекте к нему не оказалось насоса. Дед на маму взъелся, мол не может ничего непутёвая купить, как надо. Сцепились они крепко по этому поводу. Мама говорит, что на её деньги куплено, так она и сама разберётся, и вообще пойдёт в магазин и купит отдельно насос, что она и сделала. Инцидент исчерпан. Я выхожу на улицу, подходит ко мне мой сосед, он на два года

меня старше, предлагает научить кататься на нём. Но, у него одно условие: сначала он покатается, потом меня станет обучать. Мне ничего не остаётся, как согласиться. Он «нарезает» несколько кругов по двору, потом подходит с велосипедом ко мне. Процесс обучения начался. Усадил меня на сиденье, заставил крутить педали, а сам придерживает велосипед за руль, чтобы я не упала, так как у меня самостоятельная езда не получается пока. Я с его помощью тоже «нарезала» несколько кругов по двору. Когда я стала чувствовать себя более уверенно, он предложил мне самостоятельно поехать. Я уселась и поехала не по двору, а сразу на улицу. Мой сосед что-то кричит мне вдогонку, но я его уже не слышу и счастливая еду по асфальту. Вдруг на своём пути недалеко, я замечаю впереди железный низенький заборчик, который огораживает посаженные деревца. Я в панике, ведь я не могу тормозить, об этом, наверное, и кричал вдогонку сосед. Я еду с ошалелыми глазами на этот заборчик и перелезаю через него вместе с велосипедом. Я падаю на траву у дерева (хорошо, что ещё рядом, а не на него), сверху на меня падает велосипед. Я кое-как, с диким рёвом, встаю и вижу разбитые колени и содранные кисти рук в кровь, так как я упала на колени, а тормозила руками. От увиденного мне ещё хуже, и я ещё больше начинаю плакать, и моё тело содрогается в каком-то истеричном припадке. На противоположной стороне улице я замечаю свою учительницу с подружкой, а они меня. Они бегут мне навстречу, успокаивают ме-

ня. Одна из них поднимает с земли велосипед, другая берёт меня под руку. Мы с ними идём по направлению к моему дому, и я уже почти не плачу. Я чувствую от них исходящее тепло и участие по отношению ко мне. Довели меня до дома. Во дворе меня уже ждёт сосед с опущенной головой, рядом с ним моя мама. Судя по его позе, понятно, что он получил взбучку от неё, так как не научил меня самому главному – торможению. Главное в этой истории, что всё обошлось без серьёзных травм.

Мне 10. Моя подруга Марина, старше меня на год. У них в классе учится мальчик, в которого она влюблена и постоянно мне о нём рассказывает. Я лично в нём ничего не нахожу примечательного: самый обычный и у него длинный нос. Он напоминает мне Буратино из сказки. Но я всегда была очень тактичной девочкой и не говорила подруге, что он, на мой взгляд, ничем не примечательный, есть в их классе мальчишки и посимпатичнее. В школе этот мальчик подошёл ко мне и передал мне записку. В ней написано по-немецки, а я изучала в классе английский. Мне очень интересно, что там написано. А написано там вот что «ich liebe dich». Прошу знакомую девочку, изучающую немецкий, прочитать и перевести написанное. Она переводит «я тебя люблю». Я в растерянности, зачем он это мне написал, ведь его любит моя подруга. Тут подходит Марина, видит записку в моей руке и недоумение, написанное на моём лице. Берёт записку в руки и читает и смотрит мне в глаза. По-моему, она на меня

обиделась. Я, глядя ей глаза, говорю, что он мне не нужен. Меня вообще никто не интересует. От моих слов, она немного успокоилась и сказала:

– Пойдём ко мне, немного поиграем. Мне купили очень красивую куклу.

Зачем этот мальчик написал мне то признание в любви, ведь тогда ещё я и смысла этого слова не понимала, да и он, думаю, тоже. В то время мы с подругами играли «в куклы», а он, наверное, с мальчишками «в машинки». Я была пухленькой, а когда широко улыбалась, на щёчках появлялись «ямочки». Он был высокий, худой и с длинным носом, похож на Буратино. Может я ему напоминала Мальвину, у неё тоже (по фильму) были «ямочки». А может потому, что противоположностей притягивает друг к другу, по законам физики: худого к пухленькой? Почему меня к нему не притянуло?

Дед мой был большой книгоман и постоянно брал из местной библиотеки книги. Один раз принёс книгу «Всадник без головы». Я наблюдала за ним, с каким интересом он её читает. Я тоже заинтересовалась этой книгой и попросила её дать мне почитать. Я так ею увлеклась, что прочитала её «в один присест». Легла спать, а заснуть не могу, всё этот всадник мерещится. Закрываю глаза, а он передо мной стоит, прям как в книге, без головы. Просто жуть! Я с испугу нырнула под одеяло к маме, с ней тоже было страшно, всё тот же всадник мерещился. Я ворочаюсь с бока на бок, а заснуть не мо-

гу. Мама меня прогнала, и я пошла к бабушке. Бабушке я тоже не давала спать, и она меня прогнала. Пришлось идти к деду, он жутко храпел и даже не заметил, как я очутилась в его кровати. Я ещё поворочалась, и всё-таки меня «сморил сон». Эта была одна из самых жутких ночей в моём детстве!

Дед стоит на улице и чинит велосипед, у того проблемы с цепью. За мной зашли подружки, вернее, заехали на велосипедах и предлагают немного прокатиться. Я прошу деда дать мне велосипед. Тот заявляет, что он ещё его не починил, и на нём нельзя ездить. Я понимаю, что подружки уедут без меня и увидят много интересного, а я буду с тоской на них смотреть и завидовать. Вдруг бабушка зовёт деда обедать, он обернулся ко мне:

– Виктория, велосипед не исправен, не вздумай его взять, чтобы кататься!

Он отошёл всего на несколько шагов, я подбегаю, сажусь на велосипед и отъезжаю, подружки за мной. Дед оборачивается и кричит, что нельзя на нём ездить, но разве меня, упёртую, это остановит. Мы довольные едем по асфальтовой дороге по направлению к лесу. В лесу ещё продолжается дорога, она ведёт к бывшей заброшенной шахте. Дорога закончилась, и мы углубляемся в лес. Где-то едем, где-то идём, если по-другому нельзя. Идём, велосипеды рядом, выходят откуда-то военные и предлагают взять немного правее, так как мы вышли практически к засекреченному объекту. Мы, конечно, слышали, что в нашем лесу есть что-то секретное, ка-

кая-то база, но столкнулись с объектов впервые. Мы немного растерялись, когда увидели молодых ребят в военной форме, но они были настроены вполне дружелюбно, и мы успокоились, расслабились и поехали дальше.

После полуторачасового прохода по бездорожью, мы очутились в районе Оптиной Пустыни, куда Лев Николаевич Толстой любил совершать пешие прогулки из Красной Поляны, а Достоевский написал своих «Братьев Карамазовых», а сейчас это место отреставрировано и отдано во владение церкви. Невдалеке протекает речка, мы к ней подъезжаем. Марина зачем-то предлагает через неё переправиться, ведь можно просто вернуться и поехать обратно, тем более недалеко ещё одна дорога, по которой ходят автобусы, и рядом находится районный центр. Наверное, ей захотелось увидеть что-то новое, ещё нами неизведанное. Смотрим по сторонам. Увидели пацана на лодке, приблизительно нашего ровесника, может чуть старше. Попросили его переправить нас на другой берег, он соглашается. Переправляет каждую с велосипедом по отдельности. Во время гребли вёслами, этот несносный мальчишка раскачивает лодку, чтобы нас поугатать и получить от этого какое-то извращённое удовольствие, отчего меня жутко мутит, я боюсь глубины. Мы с Мариной на другом берегу, Тоня ещё на противоположном. Юный лодочник заявляет, если я не приплыву к нему, то моя подруга останется одна на берегу. Я ему объясняю, что не умею плавать. Он засмеялся и сказал:

– Ну ладно, перевезу её, но ты меня поцелуешь за это.

Я дала своё согласие, а что мне оставалось. Этот нахальный лодочник переправил нашу подругу, вылез из своей лодки и озорно с прищуром смотрит в мои глаза. Я подхожу к нему с опущенными глазами и прикасаюсь своими губами к его щеке. Он заявляет, чтобы я его поцеловала в губы, и хватает меня за руку. Я в жутком смятении целую его в губы. Он довольный расплывается в широкой улыбке. После выполнения, обещанного мною поцелуя, мы дружно, все трое, рванули по дороге домой.

Нам оставалось проехать 10 километров. Цепь на моём велосипеде стала соскакивать, Марина предложила поменяться велосипедами, она была виртуозом по езде. Мы поменялись и так добрались до дому. Мне дома отвесили подзатыльников и «прочитали лекцию о вреде самоуправства», Марине ничего не было, так как её родители любили выпить, и даже не заметили её долгого отсутствия. Больше всего досталось Тоне, хотя она была самая маленькая из нас, её отлупили бельевой верёвкой, на которой были прищепки.

Вообще её мама применяла к ней жёсткие меры воспитания. Помню, в начальных классах Тоня очень была закомплексованной, даже не отвечала на уроках. Учительница шла с ней в женский туалет, и там проверяла её знания предмета. Мама приходила в школу и при всех била её по голове учебником, как-будто такими изуверскими методами можно кого-то перевоспитать. Тогда я этого не понимала, но думаю,

Тоне нужен был хороший психолог, а не муштра её мамы. В один из дней, моя подруга захотела в туалет, а так как она молчала, то и попросится туда не могла, и написала прямо под себя. Ребята стали смеяться, а наша одноклассница Лена взяла бумажку, макнула ею в эту лужицу. Потом попробовала на язык и заявила, что это всего лишь клей, и все замолчали. Тогда я поняла, какой замечательный человек Лена, и я была рада, что она моя подруга. Меня всегда притягивало к хорошим людям, у меня на это какое-то внутреннее чутьё.

Летние каникулы – беззаботное время! Целые дни проходят, практически на улице, с редкими перекусами на ходу: дома или прямо во время всевозможных игр. Бывало и такое: берём каждый у своих родителей по 1 рублю, идем к палатке, где продают мороженое, покупаем на все деньги фруктового и едим до посиневших губ и боли в горле. Мороженое стоило 7 копеек, не трудно подсчитать, что каждый должен был съесть 12 штук. Сейчас мне даже это трудно представить, а раньше это было для нас обычным явлением. Мороженое было очень вкусное и натуральное, даже попадались кусочки ягод. Ничего подобного, даже чем-то похожего на тот вкус детства, я уже давно не пробовала.

Наевшись мороженого, нарываем немного веток побольше размером и строим шалаш. Уселись в нём поудобнее, и каждый демонстрирует своё «богатство»: открытки с фотографиями любимых артистов. Это было одно из наших многочисленных увлечений. В соседнем районном городиш-

ке существовал консервный завод, на котором много чего производилось. Так как многие наши родственники работали на нём, то у каждого из нас было изобилие красочных этикеток, которые наклеивались на банки с продукцией. Собираительство и обмен ими – это ещё одно наше хобби. Сидим в нашем шалашике и хватаемся друг перед другом своими открытками и этикетками. Иногда даже поссоримся из-за того, чья коллекция лучше. Просидели в нашем убежище пару часов, предки позвали всех есть. Я, как самая скромная, вылезая из него последней. Наклонилась слегка, высунула голову наружу, надо выпрямиться и идти, как все домой есть, но я почему-то не могу выпрямиться из-за острой боли в пояснице. Наверное, это смешно выглядело – совсем ещё юная девочка, идёт согнувшись, как старушка. Кое-как дохожу до дому, открываю дверь и с порога начинаю плакать и жаловаться, что у меня болит спина. Бабушка растирает мне поясницу, у неё было множество всяких пузырьков для растирания. Тогда я узнала, что такое гены и наследственные болезни. Сейчас постоянно делаю зарядку по утрам – это то, что мне просто жизненно необходимо, чтобы поддерживать мышцы в тонусе из-за слабости костей.

Глава 2

Мне 13. Мама решила, что в нашем шахтёрском поселке я не смогу получить достойного образования, в дальнейшем найти приличную работу и добиться какой-то самореализации, и она поехала в Ленинград и устроилась работать дворником. В советское время дворникам предоставляли служебное жильё. В Ленинграде жила и работала бывшая жена моего дяди, с которой поддерживала отношения мама, и это она посоветовала ей приехать именно в Ленинград. Через год мама решила и меня перевести к себе.

Я ужасно не хотела ехать. Оставались мои друзья, с которыми мне жаль было расставаться. Я покидала школу, которая мне нравилась. Я участвовала в художественной самодеятельности, и мне это доставляло огромное удовольствие. Выходишь на сцену, и происходит твоё преображение – из стеснительной девочки превращаешься в самостоятельную, я бы даже сказала, яркую личность! Мы с классом пели песни, разыгрывали всякие смешные сценки и с концертами ездили по ближайшим колхозам развлекать сельчан. У меня неплохо получалось, и я даже подумывала стать актрисой. Но это так и осталось моей несбыточной мечтой!

Я была крепкого телосложения: мускулистые и крепкие ноги, поэтому физрук постоянно отправлял меня на всякие «местечковые» соревнования. Один раз в школьном дворе

заставил бежать вдвоём с мальчишкой, старше меня на два класса, и я его обогнала. Я должна была всё это оставить ради каких-то призрачных перспектив! Мама не хотела этого понять и принять всё это во внимание!

После долгих препираний с мамой, я всё-таки оказалась в Ленинграде. Пошла учиться в ближайшую школу, ребята в которой мне показались по началу какими-то инопланетянами, более раскрепощённые по сравнению с поселковыми, даже с какими-то другими жизненными ценностями. В нашем посёлке все друг друга знали и относились друг к другу более доверительно и как-то по-дружески. А в большом городе даже своих соседей люди практически не знают. Мне явно не хватало знаний, полученных в моей бывшей школе, и поэтому я чувствовала себя какой-то ущербной. Единственным предметом, в котором я была как «рыба в воде» – это русский и литература. Я писала очень приличные изложения и сочинения. Один раз написала сочинение в стихах на патриотическую тему. Учительница была в восторге и читала его в других параллельных классах. А я была «на седьмом небе» от радости – хоть в чём-то я была сильна в то тяжёлое для меня время, когда меня практически насильно привезли в этот большой и тогда недружелюбный для меня город. Первое время жизнь в большом городе для меня провинциальной и стеснительной девочки была невыносимо мучительна. У меня развился комплекс какой-то своей неполноценности из-за моих слабых знаний, полноватой фигуры,

зажатости при общении с другими школьниками. Потом я как-то сдружилась с девочкой Женей и мне уже не было так одиноко в этом дождливом и сером городе.

Как-то незаметно для себя, подружилась с ещё одной девочкой Мариной. Была она местной заводилой: яркая, свободная в своих действиях и поступках. Дружба с ней и мне придала некую уверенность в себе. Позднее к нам присоединилась Лариса – девочка с чудесной фигурой, с грудью уже 2 размера. Чтобы не отставать от моих новых подруг, я перестала заедать остатки своей некой неуверенности в себе и понемногу похудела на один размер и даже стала сама себе нравиться. Ведь самое главное в жизни у каждого человека – это когда ты сам собою доволен, уверен в себе, своих силах. Тогда ты можешь «горы свернуть»! Я почти перестала испытывать комплексы, приобретённые в связи с переездом в большой город из своей провинции. Но был и один большой минус в этом знакомстве – Марина научила меня курить. А потом дело дошло до того, что мы втроём на выходные покупали в винном магазине бутылку дешёвого портвейна и «надирались» и шли гулять в Летний сад или на Марсово поле. Представляю, как глупо мы выглядели: 3 сопливые девчонки, не трезво стоящие на ногах!

Выходной день, мы уже «навеселе». Вышли из дома Ларисы на улицу, там стоит машина, а рядом два симпатичных парня. Мы с Мариной стали воображать из себя «больших», завели с ними разговор. Они заинтересованно смот-

рят на нас, мы девочки «аппетитные», да и на мордашку симпатичные. Постояли, поболтали не о чём, хозяин машины предлагает с ними покататься. Мы переглянулись и уже собираемся садиться в машину. Лариса стоит рядом и не хочет этого делать, уговаривает, чтобы и мы этого не делали. Мы, две «упёртые», не хотим её слушать. Тогда она заплакала, понимая, что эта поездка может плохо для нас закончиться, ведь мы совсем не знаем этих парней. Нам стало жалко её плачущую и мы передумали. Парни переглянулись, недовольно посмотрели на нас и обозвали нас «соплюшками», намекая на нашу незрелость в поведении.

Моя дружба с Женей прекратилась, она была очень положительная девочка: не курила, не пила спиртное, не ругалась матом. Но, а в остальном я вела себя вполне прилично: регулярно посещала школу, делала домашние задания, ходила по магазинам, если просила мама.

В школе был урок домоводства. Девочек разделили на несколько групп и дали всем разные задания. Группе, где я оказалась, было предложено испечь торт «Наполеон». Мы пошли к девочке Жене домой и стали из себя изображать великих кулинаров. Кто-то занимался коржами, кто-то заварным кремом. Получилось очень вкусно, я даже не ожидала. Вышла от неё и направилась к дому, по дороге увидела одноклассника Сашу с группой друзей из параллельного класса на противоположной стороне улицы. Он увидел меня, посмотрел и зачем-то обозвал меня «толстухой», хо-

тя рядом с ним была девочка просто огромных размеров. Тогда я на него очень обиделась. Теперь я поняла, что он просто был ко мне равнодушен. Я просто этого не хотела замечать. Вот он и излил из себя этот «воплъ отчаяния», чтобы привлечь моё внимание. А я с тех пор просто стала его презирать. Почему мальчишки такие глупые? Не могут выражать свои эмоции по-доброму. Ведь это так просто! В нашем классе учились два симпатичных мальчика, которые впоследствии стали выдающимися артистами, сейчас оба имеют звание «народных». Только увы я не состоялась, как заметная личность. Все мои таланты моё подсознание «закопало» так глубоко, что теперь и не найти, а может виновата моя извечная лень. Я наверное заразилась «обломовщиной» и не смогла изгнать из себя эту болезнь.

Наша школа была «восьмилеткой», подходило время выпускных экзаменов. Мы решили втроем «взяться за ум» и готовиться к экзаменам. Я на ночь осталась ночевать у Ларисы. Всю ночь строчили шпаргалки на узких и длинных бумажках, которые потом складывали в гармошку. Когда мы всё это писали, то и в голове что-то откладывалось. Экзамены сдали вполне прилично. Потом был выпускной. Вначале, как обычно, была торжественная часть, в которой нас призывали быть достойными гражданами своей Родины.

Были слёзы расставания с одним из главных этапов нашей жизни, пусть и не самым конечным, но тоже очень значимым. Пошли к кому-то отмечать этот знаменательный день,

напились «до поросычьего визга». Даже не осталось особых воспоминаний об этом дне. Помню только, что сидела на коленях у одноклассника, и мы с ним целовались повзрослому. А кто это был даже сейчас и вспомнить не могу, но мне понравилось – это был мой первый настоящий поцелуй в этой жизни.

Лариса и Марина решили почему-то пойти дальше учиться в станкостроительный техникум, я, как хвост, за ними следом. Мама меня очень отговаривала, предлагала идти в финансово-экономический, который находился на нашей улице, где я жила, но я почему-то упёрлась и не хотела её слушать. А теперь по прошествии лет очень об этом жалею, ведь потом впоследствии я 15 лет отработала в двух банках: государственном и коммерческом. Ирония судьбы, по другому не скажешь! Сдали вступительные экзамены, и мы стали учащимися техникума с очень специфическим названием.

После экзаменов я поехала на свою «малую родину» погостить к бабушке с дедушкой. Не думала я, что судьба-злодейка приготовила мне самое ужасное испытание моей жизни тем летом. Мне 15 лет. Бабушка по случаю моего приезда приготовила вкусной еды. Мы посидели, поели, обсудили всё, что произошло в моей жизни за год – я приезжала к родственникам раз в год, на летние каникулы. Я засобиралась повидать своих подруг и пошла к одной из них. У неё есть старшая сестра, которой уже 17. Втроём мы вышли на улицу. Их дом расположен напротив нашей досто-

примечательности – местного клуба, где проходят все значимые события в посёлке. Рядом с клубом стоит танцплощадка, где бывают в тёплую погоду танцы, и даже существует свой ансамбль, под который танцует местная молодёжь. За клубом стоят лавки с облупившейся от времени краской, присели, обсудили чем займёмся позже. Решили, что вечером пойдём на танцы. Вечером принарядились, выпили для храбрости и поднятия настроения, купили билеты и пошли на танцы. Я очень люблю танцевать и делаю это очень хорошо. Ко мне подошёл какой-то развязный парень маленького роста и с отвратительной рожей и пригласил на танец. Я ему отказала и получила за это пинка под зад, на юбке сзади остался грязный след от его ботинка. Я распрощалась с подругами и решила пойти домой, как бы сказала бабушка «от греха подальше». Не хочется быть живой мишенью для пинков каких-то пьяных уродов.

Половина от моих каникул уже прошла. В один из тёплых, солнечных дней мы, как обычно, вышли и присели поболтать на лавку за клубом. Навстречу идут местные хулиганы, некоторые из них уже посидели в тюрьмах, но у них у всех очень симпатичные лица, можно сказать – они местные красавцы. По их поведению понятно, что они «навеселе», то есть слегка пьяны. Подходят к нам и начинают душевные беседы, а мы и рады – на нас обратили внимание такие парни. Один из них пристально смотрит мне в глаза, вдруг берёт за руку и предлагает прогуляться. Я начинаю со-

противляться, но один из парней, мой сосед, говорит, что со мной ничего плохого не случится, и мне нечего бояться. Я, сама наивность, верю его словам! Иду с этим парнем молча, как жертвенная овца, не понимая, что ждёт меня впереди. Мы уже далеко от клуба, возле которого мы встретили эту компанию. Подходим к его дому, меня охватывает паника, начинаю осознавать наконец-то, что произойдёт что-то жуткое, что перевернёт всю мою жизнь и оставит глубокий шрам в моей душе! Меня парализовал жуткий страх. Хочу кричать, но не могу, меня затрясло, как в лихорадке. Он буквально вталкивает меня в свою квартиру, тащит по коридору к спальне, бросает на кровать, срывает с меня одежду. Сам снимает с себя брюки, я вижу нечто, что повергает меня в шок. Это нечто оказывается во мне, я взвыла от дикой боли, а это чудовище в мужском облики тоже кричит, но не от ужаса, а от чувства дикого восторга и наслаждения. Он сползает с меня и идёт очевидно в ванную. Мои ноги в крови, часть простыни тоже. Боже! Не при таких обстоятельствах я мечтала потерять свою девственность. Я зову полудетским голосом кого-нибудь на помощь, отвечает женский голос – «сама напросилась». Я сгребая своё тряпье, попутно вытирая кровь о простынь, кое-как одеваюсь в спешке, бегу из спальни к двери, открываю её, и я на свободе. На свободе физической, но не духовной! Этот кошмар ещё долго будет преследовать меня и терзать мою душу, заставляя прокручивать в голове всё произошедшее, и думать, что

я должна была тогда сделать, но не сделала ввиду своей наивности и какой-то убеждённости в высшую справедливость для всех. Я по-прежнему верю в высший суд, если не на земле, то уж на небесах точно!

По посёлку поползли слухи, что видели меня небрежно одетую с растрёпанными волосами. Местные сплетницы «провели расследование» и сделали вывод, что со мной произошло что-то нехорошее. Наверняка они не знали, но о чём-то начали догадываться и довели эти слухи до бабушки. Она спросила меня напрямую, была ли у меня интимная близость с кем-то. Я смотрю в её глаза не моргая. Отвечаю ей, что всё в порядке и что это только слухи, хотя при этом отвожу глаза в сторону. Бабушка заявляет, что всё расскажет маме и пусть та решает правда это или нет. Почему она не могла прижать меня к себе и поговорить со мной «по душам», ведь тогда мне просто было необходимо чьё-то участие и сочувствие. Не было принято как-то в нашей семье «жевать сопли»: все были жесткие из-за перенесённых жизненных перипетий и чудовищных потерь!

Прошла неделя, другая, я стала понемногу приходить в себя. Случайно познакомилась с молодым мужчиной, певшим в поселковом ансамбле на танцах. Его звали женским именем Валя, но друзья его называли, конечно, Валентин. Был он мягким и добрым человеком. Пел под гитару мне свои песни, голос был у него замечательный. Волосы были вьющиеся и длинные, по тогдашней поселковой моде, отголоски

в стиле «хиппи». СССР был закрытой страной, поэтому всякое «заморское» доходило к нам с опозданием. У него были какие-то бездонные зелёные глаза, и глядя в них приходило какое-то спокойствие и умиротворение. И конечно же, я в него влюбилась, а когда он меня по-настоящему поцеловал, я потеряла голову. Ко мне приехала подруга Марина погостить, она сделала мне наколку на руке «Валя». Я ходила, смотрела на это творение и думала, что увековечила память о моей светлой и чистой любви. Пришло время мне уезжать, отправилась на вокзал, и всё смотрела на дорогу, может придёт меня проводить мой Валя. Подошёл автобус, который должен был меня отвести на железнодорожный вокзал, а Валя так и не появился. Только сейчас поняла, что для него я была всего лишь один из многочисленных эпизодов в его жизни.

Глава 3

Начало учёбы в техникуме как-то отвлекли меня от того ужаса, который я испытала летом. Хотя были моменты, когда память возвращала меня к тому кошмару, и я закрывала глаза, задумываясь о суициде: представляла себя переломанной, лежащей на асфальте в луже крови в какой-то неестественной позе или плавающей в красной воде в ванной с перерезанными венами. Встряхивала копной своих густых волос, отгоняя это безумное наваждение – я ещё слишком молода, ничего в этой жизни не познавшая. Не дам моим воспоминаниям об этом чудовище в человеческом облике погубить мою, практически ничего не познавшую, сущность. Моя безмерная тяга к жизни всё-таки победила, и я окончательно рассталась с мыслями о том, чтобы покончить с моей юной жизнью. А со временем я даже простила этого изверга, веря всё в тот же высший суд – не мне суждено быть мессией и решать кого наказать, а кого нет! Я не сломалась, но трансформировалась окончательно в девчонку-сорванца. Если в 8 классе я напивалась по выходным за компанию, чтобы как-то избавиться от комплексов провинциалки, теперь же таким образом я окончательно пыталась изгнать из своей головы дурные мысли. У некоторых людей после принятия спиртного появляется агрессия, я же наоборот становлюсь жизнерадостной пофигисткой.

Как было положено в советское время всех учащихся в сентябре послали в колхоз, собирать урожай ввиду отсутствия необходимого количества своих работников. Общее дело нас сплотило, и мы там все перезнакомились. В один из дней, по окончании наших работ, увидели мы бескрайние колхозные поля, а на них много всяких овощей, которые просто некому было собирать, и они потихоньку себе загнивали. Зачем же пропадать такому богатству, и мы набрали понемногу всего каждый. Кто несколько морковин, я лично кочан цветной капусты, которую обожала обжаренную и запечённую в сметане. Поравнялись с кладбищем, через которое ходили на железнодорожную станцию, чтобы вернуться домой после нескончаемого трудового дня. Вдруг, из кустов «выползают» какие-то мужики, явно в подпитии, наверное, согрелись, чтобы не замерзнуть в ожидании «расхитителей социалистической собственности». Они подошли и показали удостоверения работников ОБХСС (отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности). Они стали шарить в наших сумках и обнаружили там всё, что мы прихватили с поля. Повезли нас в местное отделение полиции, «промурыжили» там нас долго, так как таких горе-воров там было много и составили протокол о противоправных действиях. Протоколы пришли в техникум, и нас всех лишили месячной стипендии. А это в советское время были приличные деньги, 30 рублей, на которые можно было скромненько прожить месяц.

На следующий день, прям на поле была импровизированное собрание. На нём нас стал стыдить преподаватель, который курировал наши полевые работы. Мы, в ответ, припомнили его огромный портфель, набитый «под завязку» дарами с полей, который он нёс каждый день. На это замечание, он ответил, что ему дал на это разрешение бригадир. Мы стали возмущаться и говорить, что это не «частная лавочка», и почему кому-то позволено тащит всё с полей, а других за это наказывают. Аргументов у нападающей стороны не нашлось, и обсуждение нашего поступка прекратилось. Почему, если ты украл морковку – ты вор, а если много всего и тебя не поймали, ты просто предприимчивый человек!

И так на каждом курсе осенью мы становились подмогой для колхозов и совхозов. В техникуме в нашей группе было много девчонок, как ни странно. Мальчишек было меньше, а к концу учёбы их осталось ещё меньше, так как некоторых отчислили за неуспеваемость. Весело было нам учиться – мы были молоды и вся жизнь была впереди, не знали, что каждому уготовано судьбой.

У нас практические занятия в мастерских, там стоят токарные станки. Во время учёбы я поняла – всё, что связано с техникой это совсем не моё. Но что мне остаётся – смириться со своим неудачным выбором. Преподаватель по практическим занятиям объясняет что-то на предмет обтачивания какой-то детали на токарном станке. Спрашивает у всех:

– Всё понятно?

Я съязвила в ответ:

– Это и ежу понятно, – и посмотрела нагло с прищуром на преподавателя.

– Ежу может и понятно, а вот вам? Даже и не знаю!

Я постоянно нарывалась на какие-то колкие слова со стороны преподавателя. Очень уж он меня раздражал своей самоуверенностью и чувством собственной неотразимости, так как он был крепкий мужик и довольно-таки, чего скрывать, красивым. А тут какая-то сопливая девчонка его не слушает, да ещё и хамит. Вызвал он мою маму для беседы и заявил, что плохо себя веду и тому подобное. Мама, не стесняясь в выражениях, прям на практических занятиях стала меня отчитывать при моих сокурсниках. Я от обиды, после занятий, купила бутылку горячительного, уж не помню и чего, и напилась. Мама принесла «с халтуры» (она работала на трёх работах, чтобы её чадо, то есть я ни в чём не нуждалась) страшный дефицит, по тем временам, ананас. А я встретила её с глупой улыбкой и на шатающихся ногах. И, как всегда, по такому случаю, получила кучу подзатыльников. Ну почему я тогда была такой стервозной? Переходный возраст, наверное! Почти все подростки бывают в этом возрасте какими-то нигилистами, отрицающими любые догмы и стереотипы. Мою нелюбовь к учёбе я компенсировала весёлым времяпрепровождением вне учебных кабинетов и даже на занятиях. 8 марта – женский день. Сокурсники купили шампанское и конфеты. Перед занятиями в аудитории

мы это распиваем, закусываем конфетами, а фантики бросаем, без каких-либо угрызений совести, прям на пол. Заходит преподаватель по сопромату, окидывает взглядом всё вокруг и произносит:

– Ну и свинарник! Так и хочется хрюкнуть!

Я, сидя за последним столом, произношу пьяным голосом:

– Так в чём же дело?

Потом на экзамене он припомнил мою выходку и поставил заслуженную 2. Я долго потом за ним бегала, умоляла о передаче.

Пришла зима. У нас начались лыжные подготовки. Собираемся всей группой, садимся на электричку и едем за город. Какая же там красота: стоят пушистые, заснеженные ели и сосны, шикарная трасса для лыжников, вдалеке виден огромный трамплин; в этом пригороде проходят зимой всякие соревнования, даже мирового уровня. Берём напрокат лыжи, преподаватель даёт задание проехать несколько километров на время. Мы, самые развязные девчонки из группы, добираемся до ближайшей горки, достаём из заначки спиртное, закуску. Всё выпиваем, основательно закусываем, встаём на лыжи, присоединяемся к остальным поближе к финишу, и вместе со всеми до него доходим. Нам весело и беззаботно в это время. Вспоминая всё это, я только сейчас начинаю осознавать, почему мы это делали. Все в нашей дружной компании были из не очень благополучных семей: у кого нет

отца, мать пьёт и гуляет напрапалую со всеми подряд. Моя мама была очень строга ко мне, её часто вызывали в техникум, так как я себя вела иногда не достойно: хамила преподавателям, прогуливала занятия, потому что с друзьями пошли на интересный фильм в кинотеатре. Она могла прийти и при моих сокурсниках меня отчитать, меня это ужасно злило. Я не исправлялась, а становилась ещё хуже от обиды. Почему она не могла прижать меня к себе, поговорить «по душам», я бы всё поняла и осознала – глупо так себя вести. Она в точности повторяла поведение своего отца, моего деда.

Он был очень жёстким и нетерпимым к чужим ошибкам. Наверное, из-за того, что жизнь обошлась с ним очень не по-доброму: он в 1937 году был незаслуженно репрессирован и осуждён на 10 лет. На Соловках было не сладко: работали до изнеможения по многу часов, кормили ужасно, и поэтому ели крапиву и серые мухоморы, предварительно обдавали их кипятком. Я всегда думала, что это очень ядовитые грибы, но оказывается их можно употреблять в пищу. Об этом я услышала от одного лесника. А то я думала о дедушкином рассказе, что он что-то перепутал. Ему было запрещено возвращаться после освобождения в свой город, где они жили до войны, и вся семья вынуждена была уехать и поселиться в маленьком шахтёрском посёлке, где я и родилась и провела 13 лет своей жизни.

На 2 курсе мне понравился мальчик моложе меня на год. Был он худощавый высокого роста с карими глазами и с ро-

динкой на щеке. Я даже раздобыла где-то его фотографию. Попросила моих подруг с ним поговорить по поводу возможности каких-то отношений между нами. Он им ответил, что я «не в его вкусе». И глядя в глаза моей подруге Марине сказал, что он предпочёл бы с ней завязать отношения. Вот это поворот! Я ужасно расстроилась и до окончания учёбы больше никем не увлекалась.

Мы с группой раз в год ездили на экскурсии по столицам прибалтийских республик. Один раз в поезде одnogруппник Миша вышел в тамбур и начал чудить. Глаза у него были какие-то ошалелые, стал ко всем приставать и говорить, что по поезду летают зелёные крокодилы. Мы тогда все были в недоумении. Только сейчас я поняла, что он был «под кайфом». Оказывается и в советское время уже стали откуда-то появляться наркотики.

Даже в советское время в Прибалтике жили намного лучше, чем во всём СССР. В магазинах было изобилие товаров местного производства очень хорошего качества. В кафе и столовых была вкусная еда и даже был кофе, страшный дефицит тогда. Мы себя ощущали там, как на другой планете. Когда были в Риге, посетили Домский собор и услышали там органную музыку. Я впервые слушала орган и на меня это произвело колоссальное впечатление. По приезду домой, я купила пластинку с органной музыкой и очень часто слушала.

Вспоминается, правда, неприятный инцидент. Мы с дев-

чонками возвращаемся довольные с покупками на привокзальную площадь города Риги. На лавках сидят местные парни, все одеты, как с картинок модных журналов, смотрят на нас, как на второсортных людей, тычут в нашу сторону пальцами и смеются, не знаю почему. У нас сразу же испортилось настроение, и наши замечательные покупки нас уже не радовали. В Таллине тоже был такой случай. Зашли мы в магазин и увидели колготки, которых у нас было очень сложно купить. Попросили продавщицу показать, а она на ломаном русском заявила нам, что нас не понимает. Уже тогда было очевидно, что не все граждане этих стран рады быть в составе СССР. Как ни ломала сознание наша советская система граждан этих республик, так и ничего из этого не получилось! Нельзя насильно никого заставить себя любить!

В моей группе учился парень, звали его Александр, он оказывал мне знаки внимания. Волосы были у него огненно-рыжего цвета, но это его не портило: он был милым, дружелюбным и вполне себе симпатичным. Поняла я, что нравлюсь ему только спустя несколько лет. Он зашёл ко мне домой безо всякого повода, но меня не оказалось дома. Тогда он сказал маме:

– Передайте Виктории, что к ней заходил Саша, с которым она когда-то училась в одной группе. Пусть она мне позвонит, – и протянул маме записку с номером своего телефона.

Я конечно же ему не перезвонила, моя голова на тот мо-

мент была забита другим, но это уже другая история.

На 2 курсе у нас была медкомиссия в актовом зале. Моя подруга Марина сказала гинекологу, что у неё нет менструации несколько месяцев. Женщина-врач её осмотрела и огласила вердикт, что она беременная. Моя подруга, в недоумении, спрашивает что же ей делать. А та отвечает, конечно же рожать. Первый аборт в столь юном возрасте может привести к печальным последствиям – бесплодию. Так моя подруга не доучилась до конца, вышла замуж за своего Сашку и благополучно родила ему мальчика.

Во время учёбы у нас были производственные практики на всевозможных заводах. На первой практике я оказалась вместе с Ириной, с которой очень сдружилась. Практика была почему-то на часовом заводе. Мы там сидели с увеличительным стеклом на одном глазу и собирали часики. Это тупое сидение на одном месте приводило меня просто к какому-то бешенству. Хорошо, что там мы нашли себе (как любила говорить бабушка) по ухажёру, и мне стало не так тоскливо и однообразно. Не помню уже как звали моего кавалера, помню только, что у него были короткие брюки по щиколотку. Тогда такие не были в моде, и это выглядело очень смешно. Особых романтических чувств я к нему не испытывала. Наш роман закончился вместе с окончанием практики. Он даже как-то зашёл ко мне в гости, но меня, как всегда, не было дома – у меня были очередные романтические отношения.

На другой практике – это был завод с токарными станками. Мы пытались точить какие-то незамысловатые детали – другого нам на тот момент доверять не могли. Там у нас тоже были воздыхатели. Ирнин был до безобразия скуп, а мой после работы нас всех угощал пирожками. Они были очень недурны. Я всегда обладала очень специфическим юмором, некоторые за это меня недолюбливали. Тут у меня случился приступ моего искромётного юмора, и я обращаюсь к своему другу:

– Да не хочу я твоих пирожков!

Он заявляет:

– Тогда я их выброшу!

А я в ответ:

– Выбрасывай!

Тут же пирожки вместе с пакетом летят в мусорную урну. Я смотрю в урну и говорю:

– Вкусные были, наверное, пирожки, сходи ещё, купи.

Он послушно идёт и ещё покупает. Вспоминая это думаю, почему все эти мужчины терпели мои выходки? Наверное, что-то было во мне, что сводило мужчин с ума (я просто – сама скромность)! Я напоминала женщин с картин голландских живописцев: округлые бедра, небольшая упругая грудь, довольно-таки узкая талия по отношению к бёдрам. Мечта, а не женщина! Закончились наши непродолжительные романы по окончании наших практик.

Я перешла на 3 курс. Зимой мне исполнилось 18 лет,

а этот день моего совершеннолетия совпал с Новым годом. Я решила пригласить друзей из техникума и двух подруг из посёлка, в котором я жила до 13 лет. Подруги из посёлка приехали за пару дней до праздника, я показала им город. Им очень понравилось красота и величие нашего города. Единственное, что огорчало меня, мы не смогли достать настоящую ёлку, как в детстве (тоже страшный дефицит в советское время). Даже искусственную пришлось поискать, и всё-таки мы её купили в очень известном в то время магазине ДЛТ. За шампанским тоже пришлось побегать, купили мы его тоже в известном в то время на всю страну Елисеевском гастрономе. Там же, отстояв огромные очереди, купили всё необходимое, чтобы настрогать огромную кастрюлю салата «оливье». Без него и праздник не праздник. Мои подруги привезли обалденно вкусное сало собственного производства, оно тоже пошло на праздничный стол. Ёлку нарядили буквально за несколько часов до праздника. Уставшие от беготни в поисках дефицитов, наконец-то приделались, накрашили ресницы и губы и стали ждать гостей. Мои сокурсники пришли где-то за полчаса до Нового года. Дружной компанией сели за стол. Сначала выпили по бокалу за уходящий год, ну а потом под звон курантов за наступающий. В соседней квартире жил парень Сергей, был он на год моложе, чем я. Я очень нравилась ему, но меня интересовали ребята постарше. Я считала его тогда инфантильным юнцом, хотя он был высокий, крепкого телосложения и очень милым. Из-

рядно отметив 2 великие даты: Новый год и день моего рождения, мне захотелось каких-то особых ощущений. Я незаметно от всех вышла из квартиры и пошла к соседу. Его мама вместе с моей куда-то ушли тоже отмечать праздник. Представляете радость моего соседа, когда я к нему позвонила в дверь. Я была навеселе, румяные щеки, алые губы, длинные ресницы, просто девушка – вамп. Он проводил меня к себе и тоже предложил шампанского, я согласилась. В результате я оказалась в его кровати, он был «на седьмом небе от радости». Мне, если честно, это совсем не доставило никакой радости. Не подумайте, что я какая-то нимфоманка! Просто молодости свойственно ошибаться и думать «вот мой шанс, хватай за хвост», а потом понимаешь, что это не твой шанс, твоя удача не здесь, а она ждёт тебя в другом месте, но что-то изменить уже нельзя, остаётся смириться и ждать своей судьбоносной встречи.

Глава 4

Мы перешли на последний курс. Как-то гуляя в Таврическом парке возле которого я жила, а гуляли мы там очень часто, мы встретили двух курсантов военного училища. В советское время почти все девчонки мечтали о курсантах: военная выправка, красивый мундир. Мне понравился тот, что пониже и повеселей, я ему тоже. Моя подруга стала встречаться с тем, что повыше и посерьёзнее. Она, честно говоря, не была такой ветреной и влюбчивой, как я. Он представился мне, как Хорошкин Юрий Алексеевич. Мне показалась его фамилия очень необычной. Тогда я подумала: «Так ли он хорош на самом деле и подходит ли ему его фамилия». Он был, действительно, хорош: красивая фигура, прямая спина, военная выправка, очень весёлый, компанейский, общительный, жизнерадостный, с очень симпатичной мордашкой. В общем всё было при нём, о чём только может мечтать такая романтическая особа, как я. Он напоминал мне героев любовных романов! Наши встречи были яркими, каждая встреча не напоминала предыдущую, и я, конечно, в него безумно влюбилась. В город пришли белые ночи. Что это было за время! Мне казалось тогда, что лучше уже не будет, и это лучшее останется со мною навсегда, но, как потом оказалось, я была очень наивна и доверчива. Впоследствии я поняла, что счастье не бывает абсолютным и вечным – всё когда-то при-

ходит к своему логическому завершению. Но об этом позже. Были встречи и потом с другими мужчинами, но эти были какими-то особыми, неповторимыми и очень романтичными!

В один из дней мой любимый заявил, что у него проблемы с желудком, и он ложится ненадолго в военный госпиталь. Я распереживалась и изъявила желание навестить его там. На это он мне ответил – это обследование продлится недолго, буквально неделя, две. Он лёг в госпиталь, а я не находила себе места. Вот так, промучившись несколько дней, я нашла справочное бюро (были такие в советское время) и узнала, где находится госпиталь. Пришла туда, подхожу к их справочной и спрашиваю у женщины, там сидящей:

– В какой палате лежит Хорошкин Юрий Алексеевич?

Она достаёт какую-то книгу и смотрит в неё, потом на меня и говорит:

– К сожалению, у нас нет пациента с такой фамилией.

Я, в недоумении, выхожу на улицу. Стоит солнечная погода, воробьишки чирикают во весь голос, только меня это совсем не радует. Я в замешательстве, куда делся Юра, может с ним что-то случилось. Несколько дней прошли в неведении, и это было самое худшее время для меня в тот период. Я ни о чём не могла думать, ничего не могла делать, ходила, как «в воду опущенная». Прошли несколько мучительных дней, пока наконец-то не объявился мой друг. Я засыпала его вопросами, где он был, и почему его не оказалось

в госпитале. Он отвечал очень убедительно на мои вопросы – просто в приёмном покое госпиталя что-то перепутали. Тогда я не была большим любителем детективов, поэтому даже не сомневалась в правдивости его слов. Сейчас бы я точно заподозрила не соответствия в его объяснениях. Может просто когда ты безмерно кого-то любишь, то и веришь всему, о чём тебе говорит твой любимый человек. А тогда я просто радовалась, что нашёлся Юра. Он пришёл и прижал меня к себе, обнял, страстно поцеловал. Моему счастью на тот момент не было предела! Пришли дни беспредельной радости и счастья. В один из дней он пригласил меня в какую-то квартиру, где я увидела детскую коляску. Я спросила:

– Зачем она здесь?

Он ответил:

– Это соседская.

А я и дурочка поверила. Когда любишь, не можешь думать рационально. Любовь – это химия, когда происходят неизвестные тебе реакции, а ты будучи одурманенным этим глубоким чувством, не можешь просто управлять этими процессами! Витиевато как-то, но по сути верно!

У нас произошла первая интимная близость. Не скажу, что это было каким-то блаженством, просто на тот момент меня вполне устраивали платонические чувства. Всё-таки удовольствия от секса приходит не сразу, нужно всё это переварить, осознать, ну и, конечно, важна физическая совместимость.

Потом мой любимый сказал, что едет на сборы в Карелию, но по возможности будет оттуда приезжать. Я очень расстроилась, но смирилась, и стала ждать приезда Юры. Был ненастный дождливый день, вдруг раздался звонок в дверь. Мама открыла дверь и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.